

Книги Владимира Стрельникова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЕЦ
ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЕЦ. ГОРЯЧАЯ ЗИМНЯЯ ПОРА

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИЛИЯ РОМАШКИНА,
БОРТСТРЕЛКА И НЕКРОМАНТА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЕЦ.
ГОРЯЧАЯ ЗИМНЯЯ ПОРА

РОМАН

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С84

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1036

Художник
М. Поповский

Стрельников В. В.

С84 Ссылнопоселенец. Горячая зимняя пора: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2334-7

Отправленный в ссылку Матвей Игнатьев сумел выжить на планете-тюрьме, на планете, где когда-то существовала иная цивилизация, от которой остались руины городов и многочисленные артефакты.

Матвей стал одним из тайных агентов Корпуса Эдикта, а учитывая, что законы на планете ссылных суровы, то зевать служителю этих законов нельзя ни в коем случае, просто опасно для жизни.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Стрельников В. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2334-7

Механические часы на стене звонко отсчитывали секунды. Правда, я каждое утро подводил их, выбирая разницу между земным и местным временем, благо с работающей нейросетью это никаких проблем не составляло. Голый камень стен украшала пара картин, довольно умело нарисованных пейзажей в грубых рамах из мореного ореха, рядом висели несколько реплик кремневых и капсюльных ружей. Одну стену прикрывал гобелен, изображающий космическую станцию и пару корветов на полете к ней на орбите Земли. Правда, с опознанием корветов трудновато: это было что-то среднее между нашим, земным 7003 проектом и «Юнлингом» Евросоюза. Станция же вылитая «Сатурн-31», правда, что этот антиквариат, распиленный на иголки около ста лет тому назад, делает около Земли, понять невозможно. Само собой, картины покупала девушка, а вот гобелен и дульнозарядки купил я.

У этой же стены стояла оружейная пирамида из светлого бука, в которой был довольно внушительный набор ружей и винтовок, великолепно гармонирующий с общей обстановкой в комнате, но странно смотрящийся рядом с изображением относительно новых космических кораблей.

Красивая девушка, да-да, та самая, что покупала картины, в пушистом сером свитере на голое тело, сидела на по-

доконнике, обняв обнаженные колени руками и положив на них голову. Роскошная черная коса была переброшена через плечо и лежала на высокой груди. Девушка грустила. Сидела и смотрела на улицу сквозь грубокатаное стекло, на которое попадали и тут же замерзали дождевики.

— Дождь. Представляешь, Матвей, идет дождь! Две недели морозов, Великая уже встала — и дождь! — Вера отвернула голову от заледеневшего стекла и поглядела на меня, валяющегося на кровати. — Ты вообще сегодня вставать думаешь?

— Воскресенье же, Вер. Можно и поваляться. — Я потянулся, хрустя суставами, и с огромным удовольствием зевнул. — Так сказать, и у тебя и у меня законный выходной. Герда и то вон вставать не хочет.

Голована подняла тяжелую голову с лап и коротко, гулко гавкнула. Потом передала ощущение мокрой шерсти и холодного ветра, который мешал идти по ледяной корке.

— И гололед, Герда передает. Неужели ты хочешь куда-то идти? — Я в конце концов сел на кровати.

— Хочу в ресторан. Не в трактир, а в «Царь-Рыбу»! Красиво одеться, вкусно поесть, послушать музыку. Матвей, неужели тебе это непонятно? — На меня рассерженно глянули сине-зеленые глаза. Кстати, я обратил внимание на одну особенность — когда Вера сердится, у нее глаза как будто искрятся. Такое впечатление.

Когда я спросил у нее, почему так, мне прочли целую лекцию по менталистике. В общем, все дело в моей возросшей чувствительности и в том, что Вера мне очень близкий человек. Потому мне и кажется, что глаза искры мечут, так я воспринимаю резкое ментальное излучение. И по словам Веры, есть несколько чрезвычайно сильных менталистов, которые могут лишить человека сознания ментальным ударом. При этом другие менталисты видят молнию, пора-

жающую жертву, которая вылетает из глаз атакующего. Прямо-таки фантастический фильм — из старых, еще 2Д.

— Все, понял. Но, наверное, это надо или на обед, или на ужин идти. Сегодня воскресенье, так что лучше на обед. — Я в конце концов выбрался из кровати, подошел к тлеющим в камине дровам и подобрал несколько поленьев. Из-под колотых деревяшек появилась струйка дыма, и вскоре веселые язычки пламени побежали по кускам дуба и бука. — А вообще я тоже могу приготовить что-нибудь. Молчу-молчу, — усмехнулся я, глядя на возмущенную девушку. И, коварно подкравшись к ней, схватил ее в охапку и пару раз крутанулся вместе с ней. — Но тогда, солнце мое, тебе придется компенсировать мой душевный голод и телесные страдания!

И оказавшаяся в кровати девушка была лишена единственной одежды. Впрочем, Вера от этого ничуть не смутилась, и вскоре ведущая роль перешла к ней. На какое-то время.

Так что на поздний обед в «Царь-Рыбе» мы собрались изрядно проголодавшимися. Зато с отличным настроением. И даже гололед нам его не испортил. Наоборот, развеселил.

Герда, правда, не пошла, пожаловалась на ноющую лапу. Так мы пообещали ей принести чего-нибудь вкусненького.

— Здравствуйте, Вера, Матвей. — К нам подошла молоденькая белобрысая девчонка — Елена Котова, дочь хозяйина этого заведения. Да, хозяин этого ресторана уже почти тридцать лет как здесь. Умудрился в то время найти себе женщину, сумел отстоять, сумел вместе с ней родить и выходить трех отпрысков. А это по тем временам реально подвиг. — Ваш любимый столик свободен, так что усаживайтесь. Вот, пока держите меню, а я схожу к музыкантам. Они с удовольствием для вас сыграют.

Ну да, как-то получилось, что и Вера и я стали в Звонком Ручье своими. Вера врач, я офицер полиции. Если

Веру женщины любят и даже почти боготворят, то меня просто уважают. Надеюсь, что заслуженно.

— Сейчас они появятся. А пока вот меню. — Мы едва успели устроиться за столиком из великолепного дерева, как Лена прибежала снова. — Вера, потрясающе выглядишь! Роскошное платье! Эх, еще бы туфельки на высоких каблуках, как в журналах мод... — Ни разу не бывавшая за пределами этой планеты девчонка грустно вздохнула.

М-да, планеты. Как оказалось, у нее есть название. Точнее, целых два. Номерное человеческое — и на языке Прошлых. Нантли, или Мать. Тут, правда, не все так просто, по словам Веры. Не просто мать, а мать всего сущего, вроде так правильно перевести ее ощущения. В принципе абсолютно верно, Земля тоже мать человечества.

— Лен, у тебя и так каблук восемь сантиметров, не меньше. Для того чтобы каблук сделать выше, нужны уже серьезные технологии, — улыбнулась Вера, поправив на коленях нежно-голубое платье. На самом деле великолепное — Айк, владелец универсального магазина и по зову души местный кутюрье, свое дело знает отлично. И самое главное, он получает от этого удовольствие. Для него нарядно одеть красивую девушку — настоящее наслаждение, и он тратит на это немало времени.

Так что Вера выглядит потрясающе. Такой девушке в таком платье и в ресторан верхнего уровня на Земле вполне пройтись можно, не потеряется. Напротив, внимание ей гарантировано. И от мужчин и от женщин. Однако если и состоится это, то очень не скоро. Вера отказалась покидать меня, категорически. А у меня — пожизненное.

Вся эта планета, этот ресторан, наш флигель, этот поселок — это все тюрьма. Планета ссыльных. Я здесь уже пару месяцев, и надо сказать, что указанное время было достаточно бурным и деятельным. По крайней мере, кой-какую карьеру и Вера и я уже сделали.

— Что возьмем, Матвей? Смотри, сколько тут всего интересного. — Вера передала мне меню. — Бобрятина, запеченная с белыми грибами и картофелем, — это как, вкусно?

— Наверное. — Я пожал плечами, вспоминая здоровенных зверюг, плавающих в ручьях. — Мясо, приготовленное мастером, невкусным быть не может. Тем более свежее мясо. Но меня больше заинтересовало «заливное по-царски». Многообещающее название, прямо скажем.

— Ну, так давай возьмем и то и то, попробуем. Я проголодалась! — Вера вроде как капризно надулась и рассмеялась. Потом оглянулась на треньканье гитары и пиликанье скрипки. Музыканты, молодые ребята, три парня и девушка, настраивали инструменты. Гитары и скрипку сделали здесь, на этой планете, и, по словам Веры, они требовали постоянных подстроек. Я, впрочем, мало понимаю в этом, слух у меня хороший, то есть слышу все великолепно, но мне, как говорится, «медведь на ухо наступил». С удовольствием слушаю игру музыкантов и пение солистки, но сам пою все на один мотив. Причем ничто в этом не помогало, даже современнейшая аппаратура не выручала в барах-караоке.

— Лена, а разве бобры — рыбы? — с подначкой спросила у подошедшей девчонки Вера. Любит она это дело — кому-либо под шкуру залезть, хоть и делает это изящно и элегантно.

— Ну, они, по крайней мере, в воде живут, — засмеялась Ленка, записывая заказ. Захлопнула блокнот и, посмотрев на нас, предложила: — Заливное холодное блюдо — давайте его сначала, бобрятину попозже. Кроме того, для разгона предлагаю уху, по чуть-чуть. Не сомневайтесь, уха отменная. Отцу отборных стерлядей привезли, возьмите — точно не пожалеете. И что будете пить? Есть хорошее виноградное вино, прошлогоднее. Правда, не белое и не красное. Но очень вкусное, от испанских купцов досталось. Отец на всю зиму запасы сделал.

Ниже по течению Великой обнаружились страшно запущенные виноградники. Как мне рассказывал Илья, некоторые лозы метра полтора в обхвате. Там выросли было деревья — так их виноград задавил, как удав. Жутковатое зрелище, опять же по словам шерифа. Но когда это увидели итальянцы и испанцы, точнее, потомки итальянцев и испанцев, люди с латинских планет, — их восторгу не было предела. И вот уже пару десятилетий они окультуривают старые лозы, попутно собирая урожай и с одичавших. И делают очень хорошее вино.

Из-за виноградников даже короткая войнушка вышла, как раз с французами и их союзниками. И наши помогли потомкам конкистадоров и макаронникам. Потому у нас мир, дружба, жвачка. Хорошая торговля, довольно хорошие отношения вообще. А вот с конкурентами плохо: речное пиратство процветает.

Впрочем, это дела давно минувших дней, и особо заморачиваться над этим я не собирался. Главное, чтобы ничто не отвлекло от хорошего отдыха, а то у нас всякое бывает...

— Зря приехали. — Федька подошел к груде обгоревших бревен, в которых с огромным трудом угадывалось зимовье. — Все спалили, гады.

— Федь, людолов говорил про захоронку. То есть закопанную. Сейчас попробуем растащить головешки — и пошарим в земле. — Я распряг Красаву и выволок из саней пару длинных цепей. В отличие от Федора, сгоревшая избушка для меня сюрпризом не была. Я ее уже видел со спутника. — Так что просто поработаем побольше.

— Все тебе работать. — Федька фыркнул, натягивая грубые кожаные перчатки. — Сразу видно капрала: чем бы солдат ни занимался — главное, чтобы...

— Заколебался, правильно, — кивнул я, надевая такие же. — Все верно, главный принцип военной службы. Ну

как, приступим? — И я перебросил один из добротных багориков другу. Взял второй и зацепил первое из бревен. — Герда, а ты бди!

Из саней фыркнули. Голована зарылась в груды соломы и балдела в тепле, даже носа на морозец казать не собиралась. Мол, вам надо — бдите, я ограничусь сканированием местности. И покидать теплую и душистую солому категорически не собираюсь.

Мы с Федькой долго пыхтели, разгребая завал. Самые тяжелые бревна цепляли цепями и оттаскивали при помощи Красавы. Постепенно и Федька и я стали похожи на трубочиста из Звонкого Ручья. Мужик зимой оказался очень востребованным и весьма неплохо зарабатывал. Даже я его вызывал, когда ворона умудрилась в трубе застрять. Не просто вызывал, а чуть ли не бегом искал. Когда полный дом дыма — забегаешь.

Расчистив площадку под зимовьем, я приволок голована и попросил ее проверить, есть ли что здесь.

Герда недовольно гавкнула, передав мне ощущение горячей помойки. Ну да, запах гари и я чую, и еще как. Пару раз пройдясь по гари, голована, оставляя черные отпечатки, пошла к саням, передав чувство полного бессилия.

— М-да. Порой и голована не может помочь. — Я почесал затылок. Потом развел руками. — Не знаю, Федь, что делать, хоть перекапывай всю площадку.

— Ну, это тоже выход, — кивнул друг, вытаскивая из саней свою мосинку и откидывая штык. — Но есть способ попроще. Мы так прошупывали улицы в городе Прошлых, а то там за тысячи лет все занесено. Вот согласился бы ты с Верой летом попробовать там пошмонать — озолотиться можно.

— Погоди, я попробую локаторами. — В свою очередь я вытащил две толстые медные проволоки, согнутые под

прямым углом, и пару коротких трубочек. — Эмпат я или не эмпат?

— Было бы намного лучше, коль ты был бы лозоходцем, — скептически проворчал Федька, наблюдая за моей прогулкой по пожарищу.

Впрочем, к моему удивлению, проволоки задрожали и сошлись под углом.

— Клюет? — Федька подошел со своей винтовкой и пару раз ткнул штыком в землю. — А ведь здесь помягче земля. Смотри, тут плотная и смерзшаяся, как камень, а тут помягче. Похоже, что-то копали.

— Вот давай и проверим. И не дай бог, снова этот покойный людолов нас надул. Лично найду медиума, пусть вызовет его духа и заточит в бутылку. А я сам посередке Великой ее утоплю!

Из саней Федором были извлечены кирка и пара лопат. После чего он скинул полушубок и, плюнув на ладони, богатырским размахом всадил кирку в землю, взломав хрусткую мерзлую корочку.

Как говорит старая армейская поговорка, два солдата заменяют экскаватор. Мы не солдаты, но приличную яму выкопали достаточно быстро. И сейчас, пыхтя, выволокли на свет божий большой сундук, перемазанный жирной красной землей.

— Ну что, Матвей, придется тебе медиума искать! — Федор сплюнул с досады, вытащив из сундука бронежилет с плохо отмытой кровью. — Ну мурло людолов, даже сдохнуть честно не смог! Это же «горячее» шмотье, нас за него Корпус на лоскуты порвет.

В сундуке были шесть автоматов Калашникова, один пулемет М249, бронежилеты, каски, несколько пистолетов Кольта правительственной модели. Магазины в разгрузках, пулеметные ленты. Плюс пара битком набитых ранцев.

— Не порвет, Федь. Забыл, что у меня нейросеть активирована? — Я вынул один из автоматов, снял с него крышку и, вытащив затвор с затворной рамой, глянул на канал ствола. — Но людолов точно двойная мразь.

— Да, Матвей, ты так и не рассказал, как сеть активировал. — Федька уселся на открытый сундук. — Колись давай.

— А колоться особо нечего. Ты же про Прошлых помнишь? Так вот, Корпус предложил работать на него в розыске артефактов. Ну, археологом фактически. — Я сложил автоматы в сундук: лишний раз светить ими не стоит. А вот пригодиться они еще как могут. Пулемет — тем более.

— Археолог, значит... — Федька свернул самокрутку и сосредоточенно задымил. Потом встал, прихватил свой винтарь и вновь начал тыкать штыком в пожарище. — Хреновые мы с тобой археологи, Матвей. Смотри, тут снова копали. Давай тащи лопаты.

На этот раз улов был посушественней. Не сказать что чересчур много, но примерно полпуда кварца с вкраплениями золота, шесть револьверов, пять винтовок совершенно разных моделей, кисет с грубыми золотыми монетами, мелкими слитками и самородками, на несколько тысяч точно.

— Ну вот, не придется на медиума тратить. — Довольный Федька, вытряхнув монеты на расстеленную тряпку, с удовольствием пошерудил, звеня золотом. — Хоть что-то есть, можно и дом строить.

— Ну да, бедненький. — Я усмехнулся, проверяя винтовки и револьверы. В паре пистолетов в барабанах были патроны, оружие было нечищеным, придется повозиться с шомполами и ершиком. — Давай все кладем в сундук поверх автоматов — и везем ко мне. Там выгружаем и делим, а автоматическое я спрячу. Не стоит его светить.

— А эти?.. — Федор ткнул пальцем в небо.

— Уже. Рекомендовано не показывать его ссыльным. И насчет тебя: вопрос прорабатывается. — Я засмеялся, глядя на ошарашенного Федора. — Да-да, Федь, рекомендовано обговорить с тобой условия найма Корпусом.

— И кем это? — подозрительно прищурился товарищ, стирая снегом с рук копать. — Стукачом не пойду, сразу скажу.

— Федь, тебя по уху стукнуть? — ласково спросил я Федьку, но тот на всякий случай отодвинулся подальше. — Мы с тобой вроде как друзья, а друзей в стукачи не вербуют. Да и не умею я это делать. Вольным поисковиком тебе хотят предложить, ты ведь любишь по руинам шариться? В любом случае не открутишься, Федь. Тут, как говорится, коготок увяз — всей птичке пропасть.

— Умеешь ты обрадовать, друже, — укладывая оружие в сундук, усмехнулся товарищ.

На пару с Федором мы, крикнув от натуги, закинули трофеи в сани, после чего туда же была помещена Герда. С лошадиной морды сняли торбу, в которой недавно был овес, Красаву запрягли в сани, и вскоре мы выехали с достопамятной поляны.

— Поглядывай, Матвей, не нравятся мне зрители. — Федор недовольно кивнул на пару здоровенных воронов, сидящих на краю березы и наблюдавших за нами все это время. — Как будто поживы ждут.

— Так, похоже, они и волки тут неплохо поживились. — Я пожал плечами, разгоняя холодок, пробежавший вдоль позвоночника. — Брр, от той бандитки только обрывки одежды остались.

— Лучше от нее, чем от нас, — философски заметил Федька и чуть щелкнул вожжами. Не для того чтобы скорость Красаве прибавить, а просто напомнить ей о своем присутствии. — Не зря тех, битых около Звонкого ручья, под лед

спустили. Нечего волков к человечине приучать. Тут они такие, что ой-ой, наглые и злющие в конце зимы.

— А на живых они как, нападают? — В голове вроде как начал формироваться кое-какой план. Как в старом мультике: «Есть ли у вас план, мистер Фукс?»

— На большие обозы — нет, никогда. На одиночные сани могут, но только ночью и чаще всего из засады. И только тогда, когда возникший один. Тут оружия много, без него за порог никто не ходит. Смотри, соболь! — Федька ткнул в сторону небольшой елки, по веткам которой пробежал небольшой плотный зверек. — Надо бы капканов тут понаставить, но ведь за ними следить надо, а то разорят. Просто так животину губить не стоит.

— «Зеленых» на тебя нет, Федь. Для чего тебе шапка соболя, боярин? — Я растянулся в санях, глядя, как в морозном небе кружится пара воронов. Везет птичкам, крылья есть. Вот мало о чем я скучал, кроме полетов на боте в космосе или на легком глайдере в атмосфере. Этого не хватало — не сказать чтобы критично, но не хватало. — Пусть бегают зверушки, шапка у тебя и волчья неплоха.

На самом деле у Федора была отменная шапка-треух из волчьей шкуры. Да и у меня такая же, причем, похоже, из шкуры того же волка. Герде было сначала они не понравились — ходила, морщилась. Но притерпелась, когда я сказал, что у меня нет шубы, как у нее. Впрочем, сейчас голова лежит у меня под боком, прикрытая плотным пледом, и аж похрапывает. Охраняет, называется.

— Ты чего напеваешь? — не оборачиваясь, спросил Федор.

— Я? А, старые революционные песни. У меня таких песен начала-середины двадцатого века штук с пятьсот закачано. Вот и пою. — Я закинул руки за голову и изо всех сил выдал: — «...И непрерывно гром гремел, и ветры в дебрях бушевали!»

С деревьев шумно слетела стая тетеревов, Красава чуть не встала на дыбы, а Федор свалился с саней.

Только Герда продолжала невозмутимо сопеть у меня под боком.

— Ты чего, одурел? — Из-под саней выскочил ошалевший напарник, отряхивая свой треух. — Чего орешь? Вон пташек распугал, дубина. Лошадь чуть оглобли не сломала, а он ржет как конь!

— Так настроение хорошее. — Я потянулся, хрустя суставами. — Домой еду, там любимая девушка ждет. Кой-чего набрали, что в деньгу обратить без проблем, чего грустить, Федь?

— Вот тоже найду себе любимую девушку — тоже взвою! — Федька запрыгнул в сани, распутал вожжи и чуть стегнул ими Красаву. — Но, пошла!

А я перебирал старые песни, папку с которыми случайно нашел среди тех, что сбросил мне еще в тюрьме старый киборг.

Вдруг одна из песенок развернулась в видеофайл, с которого на меня смотрели рдеющие подсветкой камеры главного корабельного старшины.

«Капрал, здравия желаю. Раз ты видишь эту информацию, значит, тебе удалось активировать нейросеть. От этого закладка ожила. Передаю эстафету, Матвей».

И старшину сменил сухощавый тип в мундире капитана первого ранга. Среди поплавок на мундире был один, такой непримечательный. С крыльями нетопыря. Военная разведка.

«Капрал, приветствую. Раз ты сумел обойти системы гашения нейросети, то считай себя восстановленным на службе в морской пехоте и переведенным в «Нетопыри» в звании сержанта. — Кап-раз неторопливо приложил руку к козырьку фуражки и рублеными словами скомандовал: — Слушай боевой приказ, сержант! Приказываю —

произвести максимально возможную разведку. Собрать данные обо всем, могущем нести опасность Земной Федерации. Принять меры к глубокому внедрению, адаптации, легендированию в среде обитания! По окончании сбора информации упаковать ее в конверт. И при первой возможности отправить в разведотдел флота. Способ и средства связи даст куратор. Куратором назначается главный корабельный старшина «Сайборг». Твой позывной — «Гонец». Конец связи, сержант».

И офицер пропал. Впрочем, вместо него всплыл наш канонир.

«В общем, так, сержант. Никакой власти над тобой у нас нет, есть только присяга. Если она для тебя не пустой звук, то начинай собирать сведения. Если что найдешь угрожающее Земле и человечеству — вывернись наизнанку, но сумей отправить сведения. Удачи, Матвей».

И старшина пропал, как корова языком слизнула. А вместо файла с разведчиками появилась запись той самой песенки.

Покачав головой, я улегся поудобнее. Вот уж не думал, что наш артиллерист на разведку работает. И как мне отправлять эти сведения, если что и всплывет? Вообще-то надо подойти к куратору, так как я сейчас работаю на другой корпус. Придется доложить по команде. Пусть Браун думает, мне шпионские игры никогда не нравились...

— Надо же, какие закладки флот делает. — Сэм снял чайник с плиты и разлил по стаканам кипяток, после чего плеснул в граненые стаканы из заварочника. Густой запах трав и лимона пошел по кухне, где мы сидели. Точнее, сидел я, котяра развалился у меня на коленях, а Герда лежала на старом диванчике. Каким-то образом эти две зверюги примирились и, можно сказать, заключили договор о ненападении. — Значит, звание тебе повысили и в «Нетопы-

ри» перевели. Ну-ну, придется докладывать по команде, пусть сами с флотом решают, что и как. В принципе тут никаких особых проблем, просто бюрократия. И есть такой момент — если тебя восстановили на службе, с тебя снят приговор. Значит, ты выходишь на совсем другой допуск. И вероятно, получишь с Верой право на отпуск за пределами этой планеты. Разумеется, под подпиской о неразглашении и вне зоны метрополии, нечего собак злить. Но все это вопрос нескорый: пока согласуют, пока утвердят. Минимум — два месяца, а скорее — полгода. Так что постарайся уцелеть. Полгода — в этих местах срок немалый.

— Если так, то неплохо, — кивнул я. Осторожно отпил взвара, после чего поставил стакан на стол из толстых грубоструганых досок. — Еще бы небольшой шлюп или коптер — вообще красотища будет. Сэм, ты сам погляди, ведь для того чтобы всерьез обследовать хотя бы одно старое городище — нужно летало хоть какое-то. Хоть глайдер, хоть коптер. Конечно, бот или шлюп вообще красотень была бы, но... — Я развел руками. — И это, как насчет Федора? Мне просто необходим напарник.

— Тебе команда нужна, а не напарник. Но мы пока не можем сделать это здесь, на этом континенте. Пойми, Матвей, тут слишком серьезная обстановка, любое резкое движение может привести к вспышке насилия, конфликту, а то и к войне анклавов. Нам это не нужно совершенно. Есть другое предложение, от меня. — Сэм тоже отхлебнул чаю. Я, кстати, заметил, что он не любит кофе, а вот травяные сборы просто обожает. — Нужно человек пятнадцать-двадцать, надежных и серьезных. Очень надежных. И тогда я смогу попробовать пробить у начальства, — тут Сэм ткнул пальцем в потолок, — разрешение на ваше переселение на другой континент. Или на другой конец этого континента. И соответственно включение вас в поиско-

вые партии Корпуса. А там, глядишь, постепенно сможем часть переселить, а остальных по новой цивилизовать хоть минимально.

— Сэм, тут вряд ли выйдет именно это. — Я покачал головой, автоматически погладив кота. — Слишком много отморозков собрали с разных концов обитаемого космоса. Недавнее нападение на наш городок тому подтверждение. А Корпус Эдикта не вмешивается в дела ссыльных, сам знаешь.

— Не вмешивается. — Браун усмехнулся. — Но мы можем сделать следующее — поставить таким городам, как наш, относительно серьезные вооружения, пусть устаревшие. Минометы, пулеметы, легкую артиллерию. И обязать принять меры к зачистке отморозков, как ты их назвал. После чего просто принимается Конституция, законы, и планета становится одной из сотен планет с землянами. Просто останется под Эдиктом. Соответственно после этого мы сможем изменить позицию относительно заселения этой планеты.

— Что, сюда перестанут ссылать заключенных? — удивился я. В частности то, что сейчас сказал Сэм, натолкнуло меня на одну идею. Правда, к ссылке заключенных она имеет опосредованное отношение.

— Очень может быть, — кивнул мой начальник. — По крайней мере, поменьше насильников и убийц. Мы не сможем открыть планету для нормальной эмиграции, пока она под Эдиктом, а снимут его вряд ли скоро. Но вот если сюда перестанут ссылать полные отбросы, это уже будет немало.

Вечером, проводив Веру на вечерние перевязки (все-таки бойцам ополчения досталось от банд — семеро тяжелых, восемь легкораненых), я зашел в редакцию. Щарий сидел за столом, при свете двух керосиновых ламп пере-

сматривая записи своих блокнотов и кучу каких-то листов.

— Привет, офицер. По службе или как? — Сняв древние оптические очки, он пожал мне над столом руку.

— Или как, Энтони. Скажи, чтобы собрать лихих парней для устройства веселого костра на месте Щучьего, насколько большой куш нужен? — Я присел напротив него.

— Ну, сложно сказать, Матвей. Очень сложно, — протирая очки тряпочкой, ответил газетчик. — А что, охота отомстить?

— Да есть желание. — Я положил на стол поверх бумаг глухо брякнувший мешочек. — Такой повод пойдет? Щучий стоит на золотой жиле. Я в прошлом году в паре мест около Щучьего буквально за час намыл.

— Да ты что? Интересная новость, очень интересная. — Газетчик развязал кисет и высыпал себе на руку золотой песок с мелкими самородками. Поперебирал пальцем и ссыпал обратно. — Это серьезно. Этого вполне может хватить. Но, как ты понимаешь, такой шаг следует согласовать с нашим мэром как минимум.

— Я так думаю, что не только с нашим мэром. — Я растелил карту нашего графства и показал газетчику восемь окрестных городков. — Смотри, в них сейчас около полутора тысяч новичков, которые осели на зимовку. Сам понимаешь, работают за гроши, хватает только на нары в бараке, на простую еду и пару кружек пива или рюмок дерьмового самогона. Если ты сумеешь распространить здесь информацию о золотых россыпях около Щучьего, мы сумеем набрать бойцов. Пусть бестолковых, но минимум несколько сотен. Плюс сотня-другая уже бывалых парней точно поведутся — зимой все равно скучно, пар спустить особо негде. Разве охота-рыбалка.

— И как ты себе это дело представляешь? — Энтони вытащил из ящика на столе сигару, обрезал кончик и прику-

рил от лампы. — Это ведь не так просто: полтысячи человек надо кормить, содержать и прочее. С тем же оружием у них наверняка проблемы, оно недешево.

— Ну, надо создать трест. По золотодобыче на той земле. Ты знаешь тут всех серьезных банкиров, бизнесменов и прочих, которые будут готовы стать акционерами и не станут распускать языки до времени. А потом печатаешь объявления, собираем народ, на санном обозе едем сюда. — Я ткнул пальцем в изгиб реки километрах в полусотне от Щучьего. — И пешим ходом через распадок топаем к Щучьему. Главное — горы пройти, но они тут невысоки, и склоны пологие. Лавины маловероятны.

— Может сработать. — Щарий сжал кулак, сломав карандаш, который он держал в руке. — Итак, что я должен сделать?

— Для начала — переговорить с нашим мэром. Если он не против, то тихо переговорить с нужными людьми. Меня ты знаешь где найти, если потребуется мое присутствие — всегда готов. Кисет с золотом оставлю у тебя, для аргументации. И это. Моя доля с общей добычи — полпроцента. А то все-таки месть мстёй, а кушать охота всегда, и повкуснее. — Я застегнул ватник и встал. — Ладно, Энтони, думай. Ты в этих делах намного лучше меня разбираешься. Но сам понимаешь, мы не просто должны сжечь Щучий и вырезать ту бандобратию. Нет, мы должны осесть в том месте. И кстати, на месте Щучьего вполне можно устроить оперативную базу, с которой начнем щипать беспредельщиков на том берегу.

— Видно военного, — усмехнулся Щарий. Кивнул каким-то своим мыслям и убрал кисет с золотом в небольшой стальной ящик, под замок. — Будем делать. Карту заберешь?

— Да, у тебя наверняка есть, — кивнул я, складывая карту и убирая ее в планшет. — Удачи, товарищ заговорщик.

— И тебе, товарищ заговорщик. — Щарий рассмеялся, провожая меня до дверей конторы.

На улице я поглубже натянул шапку и потопал в сторону больницы, локтем придерживая винтовку. По улице, обгоняя меня, неслась поземка. Вот уж погодка — то дождь, то метель. Ладно хоть немного к лошадям привык — Красава с санями за больницей, во внутреннем дворе. Там и не дует, и кормушка есть. А осла я продал: предложили за него неплохую цену. Вере подберем лошадку, раз машины предвидятся не скоро. Весной сгоняем вниз по течению, там лошадиные торги, на которые дважды в год собираются со всего обжитого края. Не очень большого, кстати. Тут, на этом континенте, людьми освоена только дельта этой реки, а западнее и восточнее огромные просторы, на которых не бывала нога человека. Максимум — спутниковые съемки или дроны пробы брали.

Зайдя в небольшую таверну, я скромно присел в уголке. Домой без Веры идти неохота, сидеть в больнице, мешая всем, — тоже. И потому я тихонько попивал крепкий кофе и неторопливо отламывал ложкой куски отличного ягодного пирога. На удивление приятное место — пьяных нет, видимо, потому, что хозяин крепче сидра ничего не продает.

Зато кормит вкусно, и много выпечки. Этим и берет, я с Верой сюда намного чаще захожу, чем в остальные забега-ловки Звонкого. Тем более что неподалеку от работы моей девушки.

— Привет, маршал. — Напротив меня плюхнулась та самая девчонка, которую Вера устроила в дамский салон работать. — Веру ждешь?

— Привет, сестренка. А ты чего не на работе? — Я позвал официантку и заказал пирог и кофе для Грессии, на что та благодарно кивнула.

— Меня отпустили, а Вера выйдет чуть попозже. Задержалась с доктором Хьюи: сложная перевязка.

Девчонка впилась крепкими белыми зубами в кус пирога и активно зажевала. Промурчала от удовольствия, как котенок, отпила кофе и вообще конкретно занялась едой. А я откинулся на бревенчатую стену и неторопливо отхлебывал остывший, но все едино вкусный кофе, изредка подливая себе из кофейника.

— А, вот вы где! — Через порог шагнула Вера, хмуро поглядела на Грессию. — Нерманита, ты что, пытаешься отбить у меня парня?

Я про себя усмехнулся. О том, что мы сидим здесь, я давно уже отправил сообщение моей ненаглядной, в ответ получив наказ не соблазнять девчонку, а то открутит все выступающие места. Ну да, Вера порой бывает излишне импульсивной.

— Сеньора Вера, нет, вы что, как вы могли подумать?! — совершенно искренне испугалась девчушка, встав и прижав руки к груди.

— Ладно, верю, — засмеялась моя девушка, снимая роскошную шубку из бобрового меха и вешая ее на вешалку-распялку. — Просто за парнями глаз да глаз нужен, а то расслабятся.

— А где Герда? — решила Грессия перевести разговор на более безопасную тему. — Я думала, она с вами, Вера.

— Дома лежит. Соседи ее кормят, гладят, а она принимает заслуженные почести. — Я усмехнулся. На самом деле соседка очарована голованой и все пытается накормить ее всяческими вкусностями. То курочку жареную притащит, то кусок пирога, то еще что-нибудь. — Лапа у нее в непогоду болит, да и скользко. Пусть отдыхает, раз Вера говорит, что операция сложная и без рентгена делать ее не будет.

Я спрашивал у голованы, согласна ли она на операцию. Ну, постарался объяснить, как мог, но лучше объяснила Вера, просто переправив Герде сам процесс. И голована согласилась — уж здорово ее колченовость доставала. Си-

льная, красивая голована — и изуродованная лапа. Я только за эту лапу шерифа Щучьего прирезать готов, ножом.

Мы еще с часик посидели, после чего я пошел, впряг Красаву в сани и подъехал к таверне. Девчонки со смехом плюхнулись сзади меня на свежее сено, и я отвез сначала Грессию до доходного дома, где она снимала комнату, а потом с Верой поехал домой. Поздно уже, надо камин протопить, печку в ванной. Зима — она здесь морозная, а климатконтроля нет. Приходится так же, как в древности, топить дровами.

Правда, поздним вечером, сидя около камина за переносным столиком и вычищая найденные автоматы, я поймал себя на том, что это мне нравится. И рдеющие переливы углей в камине, и мерцающий свет от керосиновых ламп, и запах горящих дров. И булькающий кофейник над углями в камине, распространяющий одурманивающий запах свежего кофе.

Я уж не говорю про вид забравшейся с ногами на диван и укрывшейся пледом Веры с Гердой, лежащей у нее в ногах. Вера работала с Шейсен, листая страницы, что-то даже просто вписывала в обычный перекидной блокнот, предпочитая сохранять так, а не в нейросети.

Кстати, на ожившем планшете с искином и планшете того архитектора наши успехи не сказать, что замерли, но особо не продвинулись. Из десятка артефактов живых компьютеров больше не попадалось. То, что принималось археологами за накопители памяти, оказалось просто приборами контроля атмосферы в городах. Так что пока молчок.

Хмыкнув про себя, я вновь принялся за автомат.

Эти машинки отличались от тех, которыми были вооружены конвоиры корабля, с которого я вошел в этот мир. Там были модификации, выпущенные на планетах русского сектора, или Протектората Русской Армии, или в Новых Княжествах.

А тут тоже клон одного из самых совершенных образцов личного оружия, но выпущены в арабском секторе, под совсем другой патрон. Шесть с половиной на сорок один миллиметр и у автоматов и у пулемета. В армиях Земли, насколько я помню, такого патрона вообще на вооружении не было. Сэм сказал, что такими автоматами вооружались партии конвоиров из тех, что сопровождали выживальщиков. Ну, вроде Веры. Причем эти конвоиры набирались уже здесь, среди тех, кто отсидел свой срок и не хотел мнемокоррекции. Вот они и работали, получив в пользование коптеры и создав свой городок где-то на северах, там, где ссыльные ну никоим образом без авиации не появятся.

То есть их лесная братва умудрилась подловить на какой-то заимке. Сэм не получил доступа к этой информации, он вообще к этому идиотскому тотализатору отношения не имеет. Кажется мне, что тут один из высших чинов Корпуса Эдикта подрабатывает, а может, и не один.

Знаком я с такими офицерами, еще по службе. Готовы в лепешку разбиться ради того, чтобы враг не прошел, и при этом тащат себе все то, что плохо лежит. Сочетается все это с дичайшим карьеризмом — как в них все это уживается, понятия не имею. Вероятен такой вариант? Вполне, эти гонки на выживание никак не влияют на общий контроль за ссыльными. А вот бабла с них состричь можно весьма приличное количество.

Я интересовался втихую у Сэма, есть ли опасность для Веры из-за этого тотализатора. Но, как оказалось, после того как людоловы поймали Веру, ставки закрылись. То есть Вера вышла из игры, сыгранная карта. Ну и слава богу.

— Матвей, для чего тебе столько автоматов? — Вера внимательно поглядела на составленные у стены вычищенные машинки и на ту, с которой я работал сейчас. — Ты что, хочешь собрать свою команду?

— Какая ты у меня умная девочка, Вер, — усмехнулся я, вытирая руки обрезком хлопковой тряпки. Блин, на планетах земной зоны такой кусочек полста кредитов точно стоил бы. А тут я за пару кредитов тючок тряпья-обрезков купил на ткацкой фабрике. Пусть здешний кредит по отношению к общему вдесятеро дороже, но целый тюк за двадцатку... непривычно. — Постараемся создать команду и поработать с развалинами, Сэм предложил, — и я скинул ей запись нашего с Сэмом разговора. Ну, ту часть, где разговор шел о возможном переселении.

— Интересно... — Вера задумалась, потом отрицательно кивнула: — Так не пойдет, Матвей. Нет смысла отселяться к черту на кулички, подальше от людей. Тут хоть такая, но цивилизация, а малая группа искателей хороша как командировка, но не как постоянная жизнь, поверь мне. Я сама с планеты пионеров и прекрасно знаю, что люди должны жить хотя бы в пределах дневного перехода. Человек в основе своей существо социальное, в одиночку нам плохо. То, что Сэм предлагает попробовать цивилизовать эту планету, — дело стоящее и интересное, и по крайней мере не пустое. Здесь прекрасная природа, отличная экология — если добавить хоть немного цивилизации, то жить можно очень и очень хорошо. Хорошо бы перебраться на другой континент, к археологам. Вот за это стоит поторговаться со временем.

И Вера, улыбнувшись, вновь откинулась на подушки, поправив плед.

А я налил в две кружки кофе и одну поставил на столик перед девушкой, из второй отхлебнул сам и отправил ее на подоконник: пусть остынет немножко. И принялся выщелкивать из магазинов патроны. Нужно посчитать, сколько их осталось. Автоматы грязные, в копоти, из них явно немало постреляли и грязные бросили в яму. Похоже, бандиты на радостях отстреляли по несколько магазинов в бе-

лый свет, как в копеечку. Маловато патронов — две полные пулеметные ленты по сотне, шесть автоматных магазинов по тридцать, и все. И это на шесть автоматов и пулемет. Крохи.

Бронежилеты я на чердак затащил, вместе с касками и вещмешками. Правда, подумав, рюкзаки и разгрузки я спустил, и сейчас они отмокают в ванной, в корыте. Их от крови даже не подумали отстирать, заскоружило все. Так что засыпал содой и залил холодной водой: пусть сутки покиснут.

Вера недовольно фыркнула и заставила меня оттащить корыто подальше от ванны и накрыть его куском парусины. Мол, нечего эстетику портить. Ну, ее право. Мне поправить недолго.

— Глянь, тридцать шестой калибр. — Я положил на стол один из наших с Федором трофейных револьверов. — Примерно как твой, только этот переломка. Как твой подарок, только тот сорок четвертый, — кивнул я на свой оружейный пояс, где в правой кобуре лежал этот пистолет.

— Покажи, — заинтересовалась девушка.

— Сейчас вычищу, он в керосине весь. — Все оружие вообще я недолго думая закинул в ванну с керосином, которую установил в прихожке и накрыл рогожей. Где оно успешно откисало сутки до того, как я взялся за его чистку. Правда, с винтовками и автоматами пришлось повозиться, пока придумал, как дерево лож поднять над керосином, чтобы не пропиталось и не воняло. Но придумал: в спусковую скобу протолкнул тонкие прутья, которые вытащил из веника, и опёр их на стенки корыта. Получилось, что стволы и механизмы в жидкости, а приклады нет. Пистолеты, правда, просто бросил, не хотелось с ними возиться. Вот и не обратил внимания на калибр переломки.

Получив вычищенный пистолет, моя любовь долго его крутила, а потом отложила, заявив, что ей надо сравнить

его с кольцом на стрельбище. Ну, по большому счету абсолютно правильный подход к делу, прямо скажем.

Что я ей и заявил, собирая оружие в трофейный сундук в прихожке. Ну, тот, из раскопа. Отличная вещь, сделана из добротнейшего граба, совершенно не повреждена ни временем, ни землей, ни пожаром. Так что я его отмыл, и сейчас он стоит, никак не мешая и позволяя использовать его объем в почти треть кубометра...

— Вот так. — Щарий уселся на стул и оглядел собравшихся.

А нас было ни много ни мало целых десять человек и голована. Мэр, Илья, я, старосты Тотенкопфа и Аустерлица, мэр Пекоса и глава Красноярска — городков навроде нашего, но расположенных южнее и западнее Звонкого Ручья. Щарий, естественно, и два банкира — эти вообще откуда-то издалека. Щарий мне мельком сказал, что они тоже прошли через Щучий и что трое суток в дороге провели, добираясь до нас.

Ну и Герда, которой наше сборище было малоинтересно и которая просто лежала около булерьяна.

— Точно золото там есть? — Один из банкиров, высокий и полный мужик в дорогом сюртуке с цепочкой от часов поперек живота подошел к карте и внимательно вгляделся.

А что, отличная карта, я ее вечерами целую неделю рисовал. Хорошо, что сейчас нейросеть подключена и допуск к спутникам есть, я свою дорогу из Щучьего полностью отследил из космоса, и карта получилась на загляденье.

А месторождения я на ней выделил и, пошарив в библиотеке станции, при помощи библиотечного же искина выдал возможные мощности. Конечно, до геологов мне далеко, но вот разрез того оврага и образцы пород для искина много дали. Ну и тот ручей, на котором я вторую про-

мывку сделал, да и примерные возможности остальных ручьев и оврагов выложил.

Вообще около Щучьего геологическая карта не составлялась, но, восстановив примерный состав пород, искин сравнил это место с земной Аляской. Что я, ничтоже сумняшеся и выдал на карте.

— Я первый самородок просто в ручье углядел. А потом намыл остальное буквально за полчаса. — Я тоже встал и показал на карте. — Первая намывка тут была, вторая тут. Сразу скажу, что мощности месторождений я не знаю. Тут геологоразведка нужна, ну или просто толпы старателей. Все, что я мог, — это вспомнить, какие породы я видел, и поглядеть на них в справочнике у Щария. — Есть у него пара геологических справочников, я спрашивал и даже полистал с полчаса.

— Ну, что скажете? — Наш мэр грузным медведем навис над картой и высыпал на нее горку золота. — Матвей дает нам всем не только отомстить, но и заработать на этом. Неизвестный золотonosный район — это не просто много денег и большая неразбериха, это и рывок для нашего бизнеса. Сами понимаете, если там богатые россыпи, то старателям надо будет есть, пить, спускать пар и так далее. А все это сможем обеспечить мы. Кроме того, мы под предлогом охраны территории от лихих людей с того берега Великой можем на месте Щучьего заложить форт и поставить в нем гарнизон. И со временем, накопив силы, ударить по отморожкам на той стороне. Вы знаете, что на нас напали три банды. Три банды, больше пятисот стрелков. Если бы не счастливая случайность — они могли и захватить город: сразу пятьсот стволов в умелых руках — это страшно.

— Это понятно, — кивнул староста Тотенкопфа, а его сосед и земляк согласно опустил голову на пять подбородков. — Более того, если бы они вышли на любой из наших поселков, то, даже попытавшись организовать сопротив-

ление по отдельности, мы проиграли бы. Сами понимаете, новички не в счет, они тупы и не вооружены. Ну, в массе своей. А наши поселки живут за счет зимовок новичков, давая им кров и прокорм. Ну и позволяя им заработать на этот кров и прокорм.

Да, это я слышал. Точнее, читал рекламу в газете. Ненавязчивая такая. Мол, если ты не успел устроиться на новом месте, если тебе негде зимовать — добро пожаловать на фабрики австрийских поселков. А их у австрийцев было немало. Выделывали шкуры битого зверья и домашнего скота, резали на доски тот лес, который мы заготавливали, обжигали кирпич, лили стекло, делали зеркала и фарфор.

Гоняли новичков от рассвета и допоздна, выжимая все соки. Но при этом прилично кормили, люди жили в тепле и даже накапливали к весне кое-какую деньгу, позволяющую хоть как-то стартовать на новом месте. Для бывших каторжников и заключенных это было немало. Особенно учитывая, что в этих поселках охотно брали и мужчин и женщин, и не было запрета на сексуальные отношения. Так что весной от пристаней поселков частенько отправлялись пары, часто ждущие прибавления потомства. Кто-то и оставался осваивать мастерство. И поселки росли, богатели.

Но с обороной у них было послабее, чем у нас или у Пекоса, например.

— Мы готовы к тому, что около двухсот новичков захотят поучаствовать в этом шоу. И готовы помочь упряжью и санями, снегоступами и палатками. — Мэр Аустерлица, чудовищный толстяк, плавно опустил пухлую ладошку на стол. От этого массивный стол подпрыгнул, а основательная чернильница расплескала свое содержимое.

Дальше шел простой деловой разговор бизнеса и чиновников, кто сколько готов вложить в предстоящее мероприятие. Мне, если честно, это было малоинтересно, осо-

бенно после того, как Герда передала об искренности всех собравшихся. Что полностью подтвердило мое собственное мнение.

Кампания расписана была по дням и часам, вплоть до выхода. А вот дальше были уже наши проблемы. Точнее, мои.

— Матвей, командовать отрядом будешь ты. — Мэр обличающе ткнул в меня пальцем. — Вместе с Роллингзом подготовите его здесь, разобьете на взвода, отработаете взаимодействие бойцов. Но отсюда поведешь отряд ты. Это решено и не обсуждается. Твоя инициатива — тебе и расхлебывать. Хочешь свою ренту в полпроцента с добытого золота? Работай!

— Есть, сэр. — Я встал и, надев шляпу, отдал честь мэру. После чего спокойно уселся. — Но тут такое дело. Я готов командовать милицией, если только все хозяйственные дела примет на себя кто-нибудь другой. Не стоит забывать, что кроме золота Щучий сам по себе является неплохой добычей. И потому трофеи, которые нам могут достаться, должен считать и делить хозяйственник, думаю, стандартный дележ наемников стодится. Да и вообще, если мы хотим нормальной жизни в верховьях этой реки, надо сразу обустроить свой форт и ставить там патрульные силы. Чтобы зимой и летом у нас наготове была хотя бы сотня-другая драгун. Хотя это дело будущего. Но самого Щучьего вообще не должно остаться — все, что можно, вывезти, остальное сжечь.

— В этой комнате, офицер, ты не найдешь ни одного, кто бы не мечтал посмотреть на это, — усмехнулся второй банкир, мелкий, тощий и жилистый, чем-то неуловимо похожий на горностаю. — Какое оружие для добровольцев-новичков самое лучшее, как ты считаешь?

— Ну, я вот примерно набросал. — Я положил на стол список будущего отряда. — Если мы набираем полностью

три сотни новичков, то стоит сделать из них две роты пехотинцев. Лучшее вооружение для них — карабины Мосина или Лебеля. С месяц погонять — и после этого набрать лихих парней в качестве охотников-разведчиков, сотни полторы. Тут у меня есть возможность для пехоты купить десяток пулеметов, официально переработка «Зброевки-Брно-30» под «девятку» выделки «ЕрАрмза». Естественно, после операции эти пулеметы останутся в моей собственности, после чего я их продам в арсеналы наших городов. — Я выбил это оружие у Сэма. Все-таки в Щучьем слишком много серьезных головорезов. Кроме того, я хорошо помню народ Щучьего. Сволочи, да. Но все без исключения волчары битые, готовы в любой момент в глотку вцепиться, и драться будут до последнего, пощады никто из них просить не станет. Атаковать этот город без хорошего вооружения — та еще затея.

— Хм, Матвей, твои источники поставки пулеметов, разумеется, секретны? — Наш мэр побарабанил пальцами. — В любом случае лучше с пулеметами, чем без них.

— Еще нужен динамит, керосин. И самое главное — нужна база, где будет проходить обучение новичков и боевое слаживание. — Я сел, погладил невозмутимую Герду. — Не стоит светить нашими приготовлениями.

Вечером следующего дня, сменившись с дежурства в участке, я на пару с Федором зашел выпить по кружке пива. Пивнушка небольшая, устроена пожилым австрийцем, которого сослали с Зельды, одной из планет европейского сектора.

Вообще мы, то бишь человечество, в условиях отсутствия конкуренции за прошедшие с начала освоения галактики двести годов нахватали себе около пяти десятков планет земного типа, с кислородной атмосферой, достаточной чтобы человек как минимум в респираторе или мас-

ке-обогатителе мог спокойно жить на поверхности. Хотя запас карман не тянет, прямо скажем.

Так, Фриц, когда оформлял разрешение на бизнес в Звонком Ручье, сказал мэру, что вынужден был убить человека.

На эту информацию тот ему сказал, что Фриц может увеличить свой счет, если на город нападут бандиты. Ну а если австриец совершит невынужденное умышленное убийство, то его просто повесят за шею по решению суда.

Пивовара такой подход вполне устроил, и вот уже десяток годов в Звонком варится отменное пиво трех сортов. И эта пивнушка одна из трех, в которых продается сваренное Фрицем пиво.

— Как обычно, светлое и соленый миндаль? — Передо мной на стойку, на подложенную круглую салфетку, брякнулась большая стеклянная кружка с высокой пенной шапкой, а рядом поставили чашку с солеными орешками.

Федору досталась кружка темного, очень крепкого пива, с полосками вяленого, жутко проперченного мяса в чашке на прикуску.

— Пошли посидим, поговорим. — Я ухватил кружку со стойки, миндаль и потопал к угловому столику. Успевший слдуть пену и отпить чуть ли не треть кружки темного Федька потопал за мной.

— Говори. — Еще раз приложившись к пиву и зажевав его полоской мяса, напарник повернулся ко мне. — Чего ты хотел?

— Нужны хорошие стрелки. — Я сам отпил пива, бросил в рот парочку соленых орешков. Поглядел на задумчиво теребящего за чуть сколотую ручку пивную кружку Федора. — Есть такие? Человек пять хотя бы. Желательно с «бизоньими» винтовками. И способные стрелять на дальность пятьсот-шестьсот метров. Я понимаю, у них сейчас сезон, но мало ли.